

И.П. Кулясов

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена теории экологической модернизации. Ее главная задача — дать обзор основной литературы по теории экологической модернизации (ТЭМ) и кратко представить теоретические аспекты экологической модернизации (ЭМ), охарактеризовав их на конкретных российских примерах. Автором рассмотрены современные социально-экологические проблемы в связи с содержанием ТЭМ, показана в сравнительной перспективе роль ЭМ в развитии цивилизации, выделены основные направления развития ТЭМ, уровни и механизмы ЭМ. В статье также акцентировано внимание на ЭМ личностных дискурсивных и повседневных практик.

Современные социально-экологические проблемы и теория экологической модернизации

Экологическая модернизация — это изменения в соответствии с новейшими, современными экологическими требованиями и нормами, выполнение которых ведет к устранению проблем между человеком и средой его обитания, обществом и природой. В мире сложилась социальная система, которая является причиной возникновения и обострения социально-экономических и экологических проблем, различных по уровню, масштабам и характеру. Экологическая ситуация в целом продолжает ухудшаться. Население мира растет, ускоряется стратификация развитых стран, высокие темпы их экономического роста мало сказываются на уровне благосостояния основной части населения, проживающей в развивающихся странах. Вместе с ростом производства и потребления сырья увеличивается антропогенное загрязнение почвы, воды, воздуха. Происходит опустынивание земель и потепление климата, уменьшается озоновый слой атмосферы, биоразнообразие, плодородие почв, леса. Многие ученые и специалисты оценивают эту ситуацию как социально-экологический кризис, охвативший планету. В рамках ТЭМ разрабатываются пути выхода из экологического кризиса, что имеет большую практическую значимость.

ТЭМ зародилась в западной науке в рамках инвайронментальной социологии

(экосоциологии). Фокус ТЭМ направлен на изучение изменения социальных практик и дискурса, институционального развития и реформ, связанных с изменением состояния окружающей среды. Данная теория встала в один ряд с такими разработанными в экосоциологии теориями, как теория экологии человека Р. Парка (Park 1936: 1–15), теория экологического комплекса О. Данкана и Л. Шноре (Duncan, Schnore 1969: 132–136), теория жернова производства А. Шнайберга (Schnaiberg 1972), новая инвайронментальная парадигма Р. Данлапа и В. Каттона (Dunlap, Catton 1979: 243–273). ТЭМ является частью социологической дискуссии о природе модернизма. Это теория, которая может объяснить современные социальные процессы в контексте природных объектов и явлений, наметить пути выхода из экологического кризиса, оптимизировать человеческое бытие на планете.

Дискуссия в рамках ТЭМ начата в начале 1980-х гг. активистом германского экологического движения Дж. Хубером. В середине 1980-х гг. его поддержали экосоциологи, сначала М. Джоник в Германии, а затем А. Мол в Нидерландах. Именно в этих двух странах концепция ЭМ легла в основу государственной экополитики. Авторы считали, что экологические проблемы могут быть решены с помощью супериндустриализации, что подразумевало развитие и внедрение новых, более совершенных технологий производства. С начала 1990-х гг. ТЭМ стала частью основной научной дискуссии о глобальных и региональных социально-экологических проблемах и путях их решения. Были проведены эмпирические исследования локальных случаев не только в Западной Европе и США, но и в Юго-Восточной Азии (Sonnenfeld 2000: 237–256), Литве (Rinkevicius 2000: 39–56) и Венгрии (Gille 2000: 203–231). В России разработкой проблематики ЭМ занялись в 1990-е гг. О. Яницкий и О. Аксенова (Яницкий 1997: 37–48; Аксенова 1998: 35–56). В 2000–2004 гг. М. Тысячнюк, А. Кулясова и С. Пчелкина провели эмпирические исследования о роли глобальных факторов в ЭМ лесных предприятий (Тысячнюк 2003: 8–25; Кулясов, Кулясова, 2003: 88–126; Пчелкина, Кулясова, Кулясов 2004: 27–29).

Тема ЭМ стала очень популярной в международном журнале «Инвайронментальная политика». По мнению Ф. Буттела, ТЭМ является самой передовой и влиятельной теорией в перспективе развития экосоциологии (Buttel 2000: 56–65). Доказательством важности ТЭМ является то, что, начиная с 1998 г. практически все зарубежные социологические конференции имели отдельную секцию, посвященную ЭМ. Индикатором ее значимости для социальных наук является включение этой теории в международный справочник по экосоциологии С. Редклифта и Т. Вудгейта, термин «экологическая модернизация» был введен в учебники по экосоциологии К. Хапера и Д. Белла (Redclift, Woodgate 1997: 55–70; Harper 1996; Bell 1998). ТЭМ вошла в общественный и социологический дискурс. Об этом свидетельствует то, что в 1998 г. Э. Гидденс посвятил ТЭМ часть своей книги «Третий путь» (Giddens 1998). Если же учесть, что частота упоминаний об ЭМ в Интернете на русском языке постоянно растет, можно утверждать, что российские ученые, политики, бизнес и общественность подготовлены к восприятию и осмыслению положений ТЭМ, к участию в дискуссиях и продолжению развития ТЭМ, найдя ей место в отечественном знании.

Роль ЭМ в развитии цивилизации

ТЭМ очень похожа на концепции устойчивого развития, т. к. сама основана на концепции модернизма, изменения, обновления, развития. В настоящее время в мире господствует модель перехода от очень слабой устойчивости к слабой устойчивости (Turner 1988). Основной недостаток этой модели состоит в концентрации внимания на экономической динамике и социальных процессах, при этом экологические проблемы по-прежнему остаются на периферии. Создается впечатление, что экономика существует сама по себе: связи с экологическими системами хотя и признаются, но напрямую не рассматриваются, и главенствующими являются принципы роста потребления и экономической эффективности.

Но модель слабой устойчивости также не в состоянии решить не только экологические, но и социально-экономические проблемы. Поэтому экологические и социальные риски увеличиваются — в мире растет доля людей, ежегодно погибающих от голода, болезней, техногенных катастроф и экологических бедствий. Вместе с тем заложенные в основу концепции устойчивого развития принципы международного государственного и экономического регулирования мировой экономики, безусловно, локально оказывают благоприятные эффекты и замедляют темпы ухудшения социально-экологической ситуации в целом (Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендорс, Беренс 1991).

Природный и антропогенный капитал не могут быть взаимозаменяемыми. Экономическая система, рассматривающая эти капиталы как взаимозаменяемые, приведет к гибели цивилизации, т. к. разрушенные природные компоненты системы невозможно заменить антропогенными без разрушительных последствий для человека, поскольку человек сам является частью природной системы. Часть не может перерасти и заменить целое, не изменив его коренным образом. Измененное целое качественно изменит все свои части, и человек перестанет быть человеком (Пахомова, Рихтер 1999). Не только среди ученых, но и среди деятелей культуры — писателей-фантастов, художников-футуристов и т. д. происходит осмысление существующих тенденций развития человечества, при этом чаще всего изображается устрашающее и непривлекательное будущее.

В целом концепция очень слабого устойчивого развития и слабого устойчивого развития — это видоизменение концепции охраны окружающей среды, нацеленное на сохранение и некоторую корректировку нынешнего антропоцентрического характера социально-экономического развития. Рассмотрение теорий сильного устойчивого развития и очень сильного устойчивого развития — это рассмотрение моделей устойчивого развития под большим или меньшим влиянием эгоцентризма. Можно сказать, сильное устойчивое развитие более всего отвечает требованиям сегодняшнего дня. Но при использовании модели очень сильной устойчивости серьезной проблемой является то, что при этом накладываются довольно жесткие ограничения на количество народонаселения Земли и его качественные характеристики, — предлагается не только остановиться в росте численности, но и снизить ее до одного миллиарда (Дятлов 1998). При этом никто не дает ответа на вопрос: как рационально и гуманно регулировать традиционно иррациональный процесс деторождения? Поэтому в рамках

одного из 4-х направлений устойчивого развития нельзя решить все общечеловеческие проблемы и предотвратить появление новых проблем. Все направления устойчивого развития имеют свои плюсы и минусы, и только их совокупность может быть применена глобально. Именно такая позиция преобладает в концепциях устойчивого и ноосферного развития, принятых на национальном уровне в Российской Федерации (Концепция перехода... 1999: 75–80).

Концепция ноосферного развития сильно отличается от ТЭМ как в постановке проблемы, так и в категориях, которыми они оперируют (Гирусов 1986; Тейяр де Шарден 1888; Гиренок 1990; Горшков 1990; Казначеев, Спиринов 1991; Урсул, Лось 1994; Моисеев 1995). Вместе с тем в концепции ноосферного развития большое место отведено анализу человеческой личности и ее качеств, которые возникают при таком развитии. Наоборот, в настоящее время уровень личности отсутствует в анализе теоретиков ТЭМ. В ней анализируются социальные институты, организации и движения, а человеческая личность как носитель экологического сознания и исполнитель ЭМ не затрагивается. В этом проявляется слабость и недостаточная разработанность ТЭМ. Необходимо заполнить этот пробел и ввести рассмотрение уровня личности в рамках ТЭМ.

Основные направления развития ТЭМ

1 направление. Дж. Хубер и А. Мол видели основное действие ЭМ в замене существующих промышленных технологий на ресурсосберегающие и менее разрушительные для природы, здоровья человека и окружающей его среды. Основным актором ЭМ считали бизнес (Huber 1982; Huber 1991: 12–41; Mol 1992: 323–344).

2 направление. М. Джоник рассматривал центральным элементом ЭМ государственную политику по реструктуризации национальной экономики, направленную на сохранение окружающей среды и здоровья населения. Основным актором ЭМ считал государство (Jonicke 1985: 46–59).

3 направление. А. Вил, Р. Велфорд и А. Гоулдсон видели ЭМ как социальный процесс выстроенной на основе заключений экспертов новой государственной экополитики, реализованной исполнительными госорганами и менеджерами предприятий. Основными акторами ЭМ считали специалистов, государство и бизнес (Weale 1992; Welford, Gouldson 1993).

4 направление. М. Хайер и Дж. Друзек понимали ЭМ как культурную политику и дискурс. Они перевели идею ЭМ из политической, экономической и социальной сферы в социологическую сферу. Наиболее важные политические достижения являются результатом действия основных дискурсивных конструктов, следовательно, для достижения ЭМ нужно создать новый привлекательный дискурсивный конструкт путей развития. Политические элиты адаптируют и используют ЭМ для коммуникации, стремясь сохранить свое господство и привилегии в условиях социального и эколого-ресурсного кризиса. Основными акторами ЭМ считали тех, кто формирует дискурс о ЭМ (Hajer 1995; Dryzek 1997).

5 направление. У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш, Г. Спааргарен и А. Мол рассматривали ЭМ как институциональную рефлексивность. Частным случаем

этого являются экологические риски и отражение их на отдельных людях и социальных группах. Случаи ЭМ представлялись как эмпирические феномены, где ЭМ рассматривалась как проявление институциональных изменений в структурах и промышленности. Цель этих изменений — компенсировать наступление экологического кризиса; окружающая среда становится основным фактором при принятии решений. Основными акторами ЭМ считали государство и бизнес (Beck, Giddens, Lash 1994; Lash 1999; Гидденс 1999: 505–508; Бек 2000; Spaargaren 1996; Mol 1997: 138–149).

6 направление. П. Христоф, Д. Гибс, Дж. Мерфи, А. Мол, М. Кохен, Л. Лендквист, П. Лерой и Дж. Татенхов считали, что ЭМ — это социальная реструктуризация в виде рефлексивной реорганизации индустриального общества в попытке противостоять надвигающемуся экологическому кризису. ЭМ способствует изменению ролей не только государства и бизнеса, но и идеологии негосударственных организаций (НГО), происходит возрастание их роли в выработке государством и бизнесом экополитики, тем самым усиливается их влияние на все социальные и природные процессы. Основными акторами ЭМ считали государство, бизнес, НГО (Christoff 1996: 476–500; Gibbs 2000: 7–19; Murphy 2000: 1–8; Mol 2000: 45–56; Cohen 2001; Lundqvist 2000: 21–32; Leroy, Tatenhove 2000: 48–67).

7 направление. И. Кулясов, Я. Кортилайнен и Ю. Котилайнен исследовали локальные случаи ЭМ предприятий и сообществ. В случае сильного антропогенного загрязнения природные объекты выступают как первичные акторы ЭМ и своим изменившимся видом и свойствами способствуют формированию экологического сознания, экологического дискурса и экологических практик у вторичных акторов ЭМ — государства, бизнеса, НГО, специалистов, СМИ, населения. Все они в совокупности представляют собой сеть акторов ЭМ, которая в каждом конкретном случае представлена различными социоприродными системами. В сеть акторов ЭМ, кроме государства, бизнеса, НГО и специалистов входят также СМИ и население в силу своей активности, а также природные объекты, которые имеют большой потенциал воздействия на человека. Ухудшение состояния природного объекта стало той реальностью, которая способствовала формированию экологического сознания, которое появлялось в первую очередь у специалистов, исследующих природные объекты, и у местных жителей, являющихся одними из основных пользователей природными объектами. СМИ при этом включали межсекторальный диалог по обсуждению социально-экологических проблем, играя роль катализатора ЭМ (Кулясов 2001: 24–98; Kortelainen 2002: 29–40; Kotilainen 2002: 15–20).

Подходы теории акторов сети практически не применялись авторами ТЭМ, за исключением тех, кто в настоящее время развивает 7-е направление ТЭМ (см. выше). Только некоторые из них включали природные объекты в анализ сети акторов ЭМ. Традиция сочетания в рассмотрении сети акторов социальных и природных составляющих восходит к теории акторов сети. Эта теория объясняет социальную и технологическую эволюцию, используя принципы генерализованной симметрии, в соответствии с которой человеческое и нечеловеческое должно быть интегрировано в одни и те же концептуальные рамки. В результате как человеческое, так и не-человеческое рассматривается как «актант», т.

е. в системе рассмотрения задаются различные по своей природе социальные и несоциальные параметры, когда люди, биотические и абиотические объекты объединяются в единую систему — сеть. Основными разработчиками теории акторов сети, развивавшими в своих исследованиях этот подход, являются исследователи французской экосоциологической школы М. Каллон, Б. Латур, С. Вулгер, Д. Лоу и А. Хассард (Callon 1986; Callon, Latour 1981; Latour 1993; Latour, Woolgar 1979; Law 1992; Law, Hassard 1999).

8 направление. Это ЭМ формирующейся новой личности (носителя экологического сознания — эчеловека) и экологизация дискурсивных и повседневных практик малых социальных групп (семьи и локальных сообществ — городского многоквартирного дома и сельского экологического поселения). Существуют такие социальные механизмы формирования экологического сознания, как воспитание и образование. Экологическое сознание способствует развитию экономического сознания, которое должно учитывать интересы будущих поколений и формировать экологичный стиль жизни. Такой стиль жизни поможет вернуть природные объекты в состояние благоприятного воздействия на человека. Но это может быть длительным процессом, поэтому вначале будет необходим сознательный минимализм в потреблении материальных благ и творческий инвайронментализм в обмене духовными благами (Пахомов 1996; Пахомов 2002; Кулясов 2004а: 3–34; Кулясов 2004б).

Уровни и механизмы экологической модернизации

Рассмотрение ЭМ через межсекторальное взаимодействие государства, бизнеса и НГО удобно при анализе на макро- и микроуровнях. Кроме того, процесс ЭМ можно анализировать через рассмотрение взаимодействия различных акторов, т. е. субъектов ЭМ: через взаимодействие субъектов (акторов) ЭМ можно соединять макро- и микроуровни (глобальность и локальность). Можно представить взаимосвязь субъектов — акторов ЭМ и несколько по-другому, а именно исходя из уровней субъектов ЭМ: местного (локального), национального (регионального) и международного (глобального). Примером такого взаимодействия и соединения уровней ЭМ является происходящий в России процесс лесной сертификации по системе Лесного Попечительского Совета.

Обозначим структуры разного уровня, через которые происходит регионализация и локализация глобального процесса лесной сертификации. На каждом уровне эти структуры представлены в основном бизнесом и НГО. Государство и его структуры задействованы в этом процессе гораздо меньше.

На международном (глобальном) уровне действуют сети НГО — Всемирный Фонд Дикой Природы, Лесной Попечительский Совет, Гринпис, Альянс по защите Дождевых Лесов и т. д. Их задача — институционализировать практики устойчивого лесопользования и отработанные на Западе социальные технологии. Эти сети разрабатывают социально-экономические и экологические стандарты и конструируют экологически чувствительные рынки. Они используют механизмы давления на российских экспортеров лесной продукции. Западные

рынки стали экологически чувствительными, т. к. международные НГО инициируют протестные кампании и конструируют социальные представления о неустойчивом лесопользовании и угнетении российскими лесными компаниями местных сообществ и малочисленных народов.

На этом уровне действуют сети финансового и торгово-промышленного бизнеса — Всемирный Альянс по Устойчивому Производству Лесной Продукции, Глобальная Лесная и Торговая Сеть и т. д. Такие крупные финансовые корпорации, как Всемирный Банк и Сити Групп, а также такие торговые корпорации, как ИКЕЯ и Хоум Депот, вступают в партнерства с международными НГО. Подобные партнерства выгодны обеим сторонам. Например, Всемирный Фонд Дикой Природы в результате заключения альянса с ИКЕЯ и Всемирным Банком получил возможность использовать многочисленные финансовые, корпоративные, организационные ресурсы партнеров. А ИКЕЯ и Всемирный Банк, благодаря сотрудничеству с Фондом, повысили свой экологический имидж и стали меньше подвергаться атакам зеленых. Крупные российские лесные компании под влиянием международных сетей НГО и бизнеса разрабатывают и реализуют собственную экополитику.

На национальном и областном (региональном) уровне также действуют сети НГО и бизнеса. Всемирный Фонд Дикой Природы и Гринпис имеют отделения в России. Кроме того, российские НГО — Центр Охраны Дикой Природы, Лесной Клуб — действуют по продвижению лесной сертификации. Российские офисы международных НГО, имея хорошее финансовое обеспечение, смогли привлечь к работе высококлассных специалистов, известных в своих областях науки. В результате появились Национальная рабочая группа и Российский офис Лесного Попечительского Совета. Эти НГО смогли организовать в России реальный межсекторальный диалог по решению вопросов лесопользования и лесопользования.

На этом же уровне действуют крупные российские компании — концерн Орими, холдинги Илим Палп, Титан и др. Они заинтересованы в стабильности получения прибыли своими компаниями и предприятиями. Эти акторы участвовали в переговорном процессе с международными НГО и зачастую действовали, исходя не только из своих экономических интересов, но и из своей корпоративной культуры, российского контекста, неформальных правил.

На районном и местном (локальном) уровне мы выделили 3 группы акторов. Первая — это образовавшиеся на месте леспромхозов лесорубные предприятия, которые задействованы в реализации стандартов Лесного Попечительского Совета. От деятельности этих предприятий во многом зависит жизнь людей в лесных поселках. Вторая — это лесхозы, которые занимаются лесопользованием и контролем лесопользования, организуют лесоохрану и лесовосстановление, т. е. регулируют лесные отношения на местном уровне. Третью группу образуют различные местные НГО — органы местного самоуправления, профсоюзы предприятий, социальные организации и гражданские инициативы. Последние, как правило, в процессе лесной сертификации не действуют самостоятельно, а вовлекаются в эту работу акторами других уровней — международными НГО и их региональными офисами.

Примеры экологической модернизации в промышленности

Для тестирования положений ТЭМ в качестве примера нами взят процесс ЭМ, происходящий в промышленном секторе России. Проведен сравнительный анализ 6 случаев успешной или не успешной ЭМ на различных промышленных предприятиях — Светогорском ЦБК, Сокольском ЦБК, Сухонском ЦБЗ, Картонгаре, Спринг-Грофском ЦБЗ (США) и Северстали. Среди сценариев ЭМ этих случаев есть качественные отличия. Отметим, что в 5 из 6 случаев в той или иной степени происходила сознательная ЭМ, т. е. разрабатывалась экополитика предприятия и осуществлялись программы по экологизации и модернизации технологий.

В начале 1990-х гг. в России было принято относительно прогрессивное экологическое законодательство, в это же время в государственную практику стали стремительно внедряться экономические механизмы по снижению загрязнения окружающей среды. В это время на Западе также внедрялись государственные, экономические и общественные механизмы, способствующие ЭМ. В условиях либерального американского капитализма активное общественное движение способствовало изменению повседневных и дискурсивных практик. Если учесть, что в России также развивается либеральный капитализм, то можно сделать вывод, что роль НГО, особенно профсоюзов, в ЭМ предприятий будет очень велика.

Когда на российских промышленных предприятиях ЭМ производится зарубежными хозяевами из Западной Европы и США, то они привносят корпоративную этику, в том числе экологическую. Если большая часть продукции предприятия поступает на экологически чувствительные рынки Западной Европы и США, их ЭМ является следствием уже традиционной европейской экополитики и экологической этики. На российские промышленные предприятия, которые работают с зарубежными рынками, не проявляющими слишком большой экологической чувствительности, основное влияние в плане ЭМ оказывает российское законодательство, а также экономическая ситуация, т. е. внедрение ресурсосберегающих технологий продиктовано ценами на природопользование.

В России успешная ЭМ происходит тогда, когда люди, по тем или иным причинам, готовы принять ЭМ как направление своей деятельности. Вначале мотивы этих людей могут быть не связаны напрямую с экологией. Они могут больше ориентироваться на экономические или политические выгоды или вводить ЭМ под давлением государственных законодательных норм или экологического движения. Но впоследствии эти акторы ЭМ все больше меняют свой дискурс, их сознание изменяется и экологизируется. Ярким примером такого изменения являются экологические менеджеры на предприятиях. Такой же процесс наблюдается и в среде рабочих лесорубных предприятий, где прошла ДЛС. Так, с рабочими начинали проводить регулярные занятия по экологическим трудовым стандартам, они их усваивали и применяли практически, а потом это становилось частью их дискурса, и постепенно сознание этих людей экологизировалось.

На примере сравнения этих 6 случаев можно увидеть универсальность механизмов ЭМ. В каждом случае один из акторов ЭМ являлся решающим, а

другие играли более или менее значительную роль. При этом основными факторами, играющими значительную роль для ЭМ перерабатывающих предприятий, являлись государственное регулирование (экологическое и социальное законодательство); внедрение управленческих и технологических инноваций (приносящих экономическую выгоду в результате ресурсосбережения и снижения уровня сбросов и выбросов вредных веществ), улучшения охраны труда, социальной обеспеченности и стабильности работников; общественное движение за благоприятную окружающую среду; влияние глобальных социальных и природных процессов.

Личностные дискурсивные и повседневные практики экологической модернизации

Экологический дискурс — это специфическая область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих для многих людей установок, связанных с понятием «экология». Социальная функция дискурса состоит в том, чтобы ограничивать язык и деятельность, поэтому экологический дискурс имеет эффект, сходный с эффектом идеологий. Это означает, что экологический дискурс как способ экологического мышления и поведения может исключать альтернативные способы поведения и идеологемы и таким образом влиять на людей, способствуя сохранению или изменению социальных институтов и экологической ситуации.

Для тестирования положений ТЭМ в качестве примера был взят процесс ЭМ, происходящий среди жителей города под воздействием различных акторов. Описание и анализ случая проводился в контексте г. Сокола Вологодской обл. с градообразующим Сокольским ЦБК. Жители практически всех российских городов в большей или меньшей степени страдают от загрязнения, поэтому наши выводы могут быть распространены и на другие города России. Исследование показало, что в случае загрязненной территории города экологическую модернизацию инициировали именно природные объекты, что подтверждает наш вывод об их первичности в процессе ЭМ.

Потенциал влияния на процесс ЭМ у НГО и населения мало задействован в связи с тем, что они больше озабочены экономическими проблемами, чем экологическими. Но поскольку жители г. Сокола живут на загрязненной территории, они четко формулируют потребность в чистой окружающей среде. Стремление к удовлетворению такой потребности является одним из путей ЭМ человека как личности. Когда природные объекты постоянно негативно воздействуют на здоровье и повседневную жизнь человека, это заставляет задуматься об экологии. Но при низкой активности НГО и других акторов экологическая активность населения носит стихийный характер.

Участие в экологическом движении является еще одной из возможностей ЭМ как на уровне социальных институтов и структур, так и на уровне личности. Частью экологического движения является движение экопоселений, характеризующееся единством экологического дискурса и экологических практик. Экологические практики — это такие действия, которые сохраняют здоровую природу и человека, улучшают состояние окружающей природной и социальной среды.

В ходе исследования 6 экопоселений — Нево-Эковиль, Китеж, Тиберкуль, Двойной Дуб (США) — были выявлены различные экологические практики, в т. ч. использование альтернативных источников энергии и транспорта, органического земледелия, вегетарианства, рециклинга, ресурсосбережения и др. У жителей экопоселений нами выявлены такие описанные Ю.Н. Пахомовым качества эчеловека (Пахомов 2002), как целостность мировоззрения, синкретичность сознания, междисциплинарность мышления, проявляющаяся в осмыслении сущности и взаимовлияния фактов, синергия знания и опыта; умение сохранять и использовать традиции и знания прошлого и опыт настоящего, видеть перспективы будущего; самостоятельность творческого мышления, направленного на достижение и сохранение устойчивости равновесия социума и окружающей природной среды; осознание места человека в иерархии Природы и Космоса; стремление к самореализации и активность личности; познание человеком самого себя и осмысление использования своих качеств и способностей на благо себе и окружающим; потребность жить в единстве и гармонии с окружающими людьми и природой.

Выводы

В качестве выводов дадим ряд определений. Основными критериями ЭМ являются факты улучшения состояния окружающей среды и жизни людей, что может реализовываться через различные социальные институты, будучи как спланированным процессом, так и побочным эффектом разнообразных социальных практик. Объектом при изучении ЭМ являются социальные институты и структуры, предприятия и сообщества, малые социальные группы (семья) и индивиды (личности), природные биотические и абиотические объекты и системы, вовлеченные в процесс ЭМ. Предметом при изучении ЭМ являются социальные аспекты и механизмы ЭМ в пространственно-временном и социо-природном контексте. Когда личности, социальные структуры и институты становятся инициаторами или проводниками ЭМ, они превращаются из субъектов ЭМ в акторов ЭМ. Процесс ЭМ происходит через их взаимодействие, как между собой, так и с природными объектами.

Теории слабого устойчивого развития и современная ТЭМ очень близки по содержанию и оценке перспектив и направлений общественного развития. ТЭМ должна включить в себя элементы теорий сильного устойчивого развития, чтобы соответствовать теориям ноосферного развития. Определим место ЭМ в рамках теорий развития. Если цель концепций развития — выработка путей сохранения цивилизации, то ЭМ — это способ достижения цели, устойчивое развитие — это состояние в пути в ближайшее будущее, то ноосферная цивилизация — это достигнутая цель, ноосферное развитие — это состояние в пути в отдаленное будущее.

Анализируя разные направления ТЭМ, различные авторы по-разному интерпретируют процесс ЭМ — либо как экономический процесс, связанный с экономической динамикой, приносящей улучшение состояния окружающей среде; либо как социально политический процесс, в котором действуют социальные и поли-

тические акторы, делающие сохранение окружающей среды заметной чертой жизни общества. Но все авторы сходятся в том, что на данном этапе социального развития влияние экономики на экологию по-прежнему является основным. Согласно ТЭМ, экономический рост и улучшение качества окружающей среды могут идти вместе. ТЭМ предполагает решение экологических проблем с помощью сети акторов ЭМ, в то время как другие социальные теории сосредоточены на том, что государство, бизнес, НГО, население, а иногда и сами природные объекты только создают экологические проблемы.

Кроме трех указанных перспектив развития ЭМ (экологически щадящий бизнес и потребление, эффективная государственная охрана природы, экологизация общества в целом), есть четвертая перспектива, которую можно назвать эмансипацией природы, когда будет происходить социализация и персонализация природных объектов. Природа избавится от человеческого угнетения и псевдозависимости, люди же избавятся от предрассудков относительно своего места и роли на Земле и в Космосе. Природные объекты конституционально уравниваются в правах с юридическими лицами, организациями и институтами.

В настоящее время в России ЭМ не может осуществляться в больших масштабах, потому что российское государство ориентировано на политику экономического роста, а не на политику устойчивого и ноосферного развития. Но в будущем российскому государству все же придется начать процесс ЭМ и выработать соответствующую доктрину и программы, т. к. этого требует глобальная социально-экологическая ситуация. Пока что ЭМ в России происходит чаще всего по инициативе бизнеса как его реакция на социально-экономические условия, определенные преимущественно глобальными процессами. ЭМ также происходит в виде программ НГО, при трансформации сельских поселений в экоселения, на персональном и семейном уровне как экологизация сознания и ежедневных практик. ЭМ природных объектов происходит в виде реставрации и последующего их сохранения силами людей с экологическим сознанием.

Литература

- Аксенова О. Экологическая модернизация: стратегия самосохранения индустриального общества // Социальные аспекты глобализации мировой экономики. М.: Aseed Europe, Со ЭС, Хранители радуги, 1998.
- Бек У Общество риска. На пути к другому модерну / Ред. А. Филиппов (послесловие). М: Прогресс-Традиция, 2000.
- Гидденс Э. Социология: Учебник. М: ЭдиториалУРСС, 1999.
- Гиренок Ф. Русские космисты. М.: Знание, 1990.
- Гирусов Э. Экологизация: проблемы и процессы современного развития. Владивосток, 1986.
- Горшков В. Энергетика биосферы. Устойчивость состояния окружающей среды. М: Наука, 1990.
- Дятлов С. Основы концепции устойчивого развития. СПб: СПб ГУЭФ, 1998.
- Казначеев В., Спириин Е. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. М.: Наука, 1991.
- Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Устойчивое развитие и «Повестка дня на 21 век» / Ред. А. Воропаева СПб.: СПбГУ, 1999.

Кулясов И. Экологическое движение по сохранению водосборов в России // Охрана водосборов в России и США / Ред. М. Тысячнюк, И. Кулясов, А. Кулясова. Вологда: ВИРО, 2001. Гл. 2.

Кулясов И. Экопоселения на Северо-Западном Кавказе и Горном Алтае: инициативы создания // Экопоселения в России и США / Ред. М. Соколов. СПб.: ЦНСИ, 2004а. Вып. 10.

Кулясов И. Экологическая модернизация: теория и практики / Ред. Ю. Пахомов (предисловие). СПб.: НИИХ СПбГУ, 2004б.

Кулясов И., Кулясова А. Возможности экологической модернизации градообразующих предприятий на примере Сокольского ЦБК // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США / Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов, С. Пчелкина. СПб.: НИИХ СПбГУ 2003.

Медоуз Д.Х, Медоуз Д.Л., Рендорс Дж., Беренс В. Пределы роста. М.: Мысль, 1991.

Моисеев Н. Стратегия переходного периода // Вестник РАН. 1995. № 4.

Пахомов Ю. Экологическая культура: модернизация человеческой деятельности // Человек в социальных переменах. СПб., 1996.

Пахомов Ю. Формирование эчочеловека: методологические принципы и программные установки. СПб.: СПбГУ, 2002.

Пахомова Н., Рихтер К. Экономика природопользования и охраны окружающей среды. СПб.: СПбГУ, 1999.

Пчелкина С., Кулясова А., Кулясов И. Лесная сертификация по системе FSC на примере Малошуйкалес и Двинского ЛПХ // Лесной бюллетень. 2004. № 3 (26). Декабрь.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

Тысячнюк М. Международные экоНГО: акторы экологической модернизации в лесном секторе России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США / Ред. М. Тысячнюк, А. Кулясова, И. Кулясов, С. Пчелкина. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003.

Урсул А., Лось В. Стратегия перехода России на модель устойчивого развития: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1994.

Яницкий О. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? / Ред. Т. Заславская. М.: Интерцентр, 1997.

Beck U., Giddens A., Lash S. (eds.) Reflexive Modernization. Cambridge: Polity Press, 1994.

Bell M. An Invitation to Environmental Sociology. Thousand Oaks: Pine Forge Books, 1998.

Buttel F. Ecological modernisation as social theory // Geoforum 31. Pergamon: Elsevier Science Ltd., 2000.

Callon M. Some Elements of Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint Briec Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. by S. Law. Sociological Review Monograph. No. 32. L.: Routledge, 1986.

Callon M., Latour B. Unscrewing the Big Leviathan: how actors macrostructure reality and how sociologists help them to do so // Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro and macro-sociologies / Eds. K. Knorr-Cetina, A. Cicourel. Boston, M. A.: Routledge and Kegan Paul, 1981.

Christoff P. Ecological Modernization, Ecological Modernities // Environmental Politics. 1996. Vol. 5.No.3.

Cohen M. Ecological modernization and its discontents. NJ: Univ. Heights, 2001.

Dryzek J. The Politics of the Earth: Environmental Discourses. Oxford: Univ. Press, 1997.

- Duncan O., Schnore L. Cultural, behavioral and ecological perspectives in the study of social organisation // *American Journal of Sociology*. 1959. Vol. 65. No 2.
- Dunlap R., Catton W. Environmental sociology // *Annual Review of Sociology* / Ed. by A. Inkeles, J. Coleman, R. Turner. California: Annual Reviews Inc., 1979.
- Gibbs D. Ecological modernisation, regional economic development and regional development agencies // *Geoforum* 31. Pergamon: Elsevier Science Ltd., 2000.
- Giddens A. *The Third Way*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- Gille Z. Legacy of waste or wasted legacy? The end of industrial ecology in post socialist Hungary II Ecological modernization around the world: Perspectives and critical debates / Ed. by A. Mol, D. Sonnenfeld. 2000. Vol. 9. No. 1.
- Hajer M. The politics of environmental discourse. Ecological modernization and the policy process. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Harper C. *Environment and Society*. NJ: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1996.
- Huber J. *Die Verlorene Unschuld der Ökologie: Neue Technologien und Superindustrielle Entwicklung*. Frankfurt am Main: Fisher Verlag, 1982.
- Huber J. Ecological modernization. Away from scarcity, soberness and bureaucracy // *Technologie en milieubeheer* / Ed. by A. Mol, G. Spaargaren, A. Kalpwijk. Den Haag: SDU, 1991.
- Jänicke M. Preventive environmental policy as ecological modernization and structural policy // Discussion paper. Berlin, 1985.
- Kortelainen J. Experience of Ecological Modernization in Forest Industry // *Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Developments* / Ed. by J. Kortelainen, J. Kotilainen. Joensuu: Univ. Joensuu, Karelian Inst., 2002.
- Kotilainen J. The Theory of Ecological Modernization // *Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Developments* / Ed. by J. Kortelainen, J. Kotilainen. Joensuu: Univ. Joensuu, Karelian Inst., 2002.
- Lash S. *Another Modernity, a Different Rationality*. Oxford: Blackwell, 1999.
- Latour B. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1993.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: the Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage, 1979.
- Law J. Notes on the Theory of the Actor Network: Ordering, Strategy and Heterogeneity // *Systems Practice*. 1992. No. 5.
- Law J., Hassard A. (Eds.) *Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell, 1999.
- Leroy P., Tatenhove J. Political modernisation theory and environmental politics // *Environment and global modernity* / Ed. by G. Spaargaren, A. Mol, F. Buttel. London: Sage, 2000.
- Lundqvist L. Capacity building or social construction? Explaining Sweden's shift towards ecological modernisation // *Geoforum* 31. Elsevier Science Ltd., 2000.
- Mol A. Sociology, environment and modernity: ecological modernization as a theory of social change // *Society and Natural Resources*. 1992. Vol. 5.
- Mol A. Ecological modernization: industrial transformations and environmental reform // *The International Handbook of Environmental Sociology* / Ed. by M. Redelift, G. Woodgate. London: Edward Elgar, 1997.
- Mol A. The environmental movement in an era of ecological modernisation // *Geoforum* 31. Elsevier Science Ltd., 2000.
- Murphy J. Ecological modernization // *Geoforum* 31. Elsevier Science Ltd., 2000.
- Park R. Human ecology // *American Journal of Sociology*. 1936. Vol. 42. No 1.

Rinkevicius L. The ideology of ecological modernisation in double risk societies: a case study of Lithuanian environmental policy // Environment and global modernity / Ed. by G. Spaargaren, A. Mol, F. Buttel. London: Sage, 2000.

Redclift S., Woodgate T. (eds.) The Environmental Handbook of Environmental Sociology. London: Edward Elgar, 1997.

Schnaiberg A. Environmental Sociology and the Division of Labor. Evanston, Illinois: Department of Sociology, Northwestern Univ., 1972.

Sonnenfeld D. Contradictions of Ecological Modernisation: Pulp and Paper Manufacturing in Southeast Asia // Environmental Politics. 2000. Vol. 9. No. 1.

Spaargaren G. The Ecological Modernization of production and consumption / Ed. by D. Thesis. Wageningen Univ., 1996.

Turner R. (ed.) Sustainable Environmental Management: Principles and Practice. London: Belhaven Press, 1988.

Weale A. The New Politics of Pollution. Manchester: Univ. Press, 1992.

Welford R., Gouldson A. Environmental Management and Business Strategy. London: Piman Publishing, 1993.